Логачева Н. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В РАССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/22.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 49-51. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Что касается приёмных покоев, через которые проходила основная масса больных, то здесь положение было не намного лучше. Приходится констатировать, что часть из них (в Москве, Ярославле, Вологде, Иванове) были в крайне неудовлетворительном состоянии, и по ряду причин, главной из которых была теснота, требовали капитального ремонта. Например, в вологодском приёмном покое, к слову сказать, обслуживающем больных с трёх участков, площадь кабинета доктора составляла всего 4,5 квадратных метра, а зала для ожидания – 19 [11]. Само собой, это причиняло большие неудобства, как доктору, так и самим больным, зачастую ожидающим своей очереди на улице, невзирая на все прихоти капризной русской погоды.

Осознавая значимость здравоохранения, правление железных дорог делало всё от себя зависящее, чтобы создать для медицинских сотрудников достойные условия труда и материального поощрения. Так, в среднем, участковый врач получал примерно 127 - 130 рублей в месяц, а заработная плата его больничного коллеги составляла 133 – 138 рублей. В то время как средняя заработная плата обычного рабочего в Центральном промышленном районе равнялась 20 руб. в месяц [12]! Плюс к этому специалистам, испытывающим определённые сложности с жильём, выдавалось так называемое квартирное довольствие, составляющее 10–13% от общей суммы направленной на выплату заработной платы.

Помимо этого в 1911 г. дирекция начинает масштабную компанию по ознакомлению железнодорожного населения с методами профилактики всевозможных заболеваний и способами борьбы с ними. С этой целью была устроена передвижная выставка, вход на которую был абсолютно свободным. На всём пути своего следования данная экспозиция вызывала большой интерес в среде железнодорожных рабочих и служащих. За 53 дня передвижения выставки по станциям: Москва, Сергиев-посад, Александров, Юрьев-Польский, Иваново, Кинешма, Кострома, Ярославль, Вологда, Буй её посетили 11657 человек, т. е. каждый десятый проживающий в полосе отчуждения СЖД [13].

Постепенно медицинская служба железнодорожного ведомства заслуживала авторитет в среде местного населения. Со временем удалось добиться сокращения заболеваемости корью на 43,1 %, коклюшем на 15,6 %, дизентерией на 21,4 %, но в то же время значительно выросло количество больных скарлатиной на 52,2 %, дифтерией на 140,9 %, тифом на 51,4 % [13], что в свою очередь свидетельствует о нехватке средств и усилий уделяемых сфере здравоохранения со стороны правления железных дорог.

По многим показателям, главными из которых являлась невозможность охватить общую массу населения проживающего в полосе отчуждения дорог и оказать людям квалифицированную помощь, общий уровень медицинского обслуживания как в целом по России, так и на железных дорогах был низкий. В целом проблемы свойственные медицине того периода во многом схожи с современными – это нехватка средств, оборудования, маленькие зарплаты низшего звена медицинского обслуживающего персонала, отсутствие возможности повышать свою квалификацию, большая текучесть кадров и т. п.

Список использованной литературы

1. **Гудкова О. В.** Строительство Северной железной дороги и её роль в развитии северного региона. (1858 – 1917 гг.) Вологда, 2002. С. 78.
2. **Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО).** Ф. 154. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.; Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казной и последовавших в период времени с начала 1881 по 31 мая 1898 годы включительно. СПб., 1900. С. 458.
3. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп. 1. Д. 53. Л.22; Д. 55. Л. 10.
4. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп. 1. Д. 55. Л. 11.
5. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп. 1. Д. 53. Л. 23.
6. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.
7. **Гудкова О. В.** Строительство Северной железной дороги и её роль в развитии северного региона. (1858 – 1917 гг.) Вологда, 2002. С.114.
8. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп.1. Д.27. Л.12.
9. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп.1. Л. 33.
10. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп.1. Л. 14.
11. **ГАЯО**. Ф. 154. Д. 53. Л. 22.
12. **Крузе Э. Э.** Условия труда и быта рабочего класса России в 1900 – 1914 гг. Л., 1981. С. 101.
13. **ГАЯО**. Ф. 154. Оп.1. Д.55. Л.11.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В РАССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.

Логачева Н. В.

Пензенский государственный университет

Положения Судебной реформы 1864 г. затруднили борьбу с государственными преступлениями, поскольку любое нарушение материальных и процессуальных норм, учрежденных Судебными уставами, ставило под сомнение законность действий чинов жандармского корпуса, а, следовательно, не давало возможности доведения дела до суда и вынесения приговора. П.А. Валуев в журнале Особого совещания и выписке из журнала «По вопросу об обсуждении причин, препятствующих борьбе с противоправительственной агитацией в России» отмечал факторы, мешавшие борьбе с революционным движением: слабость полиции (ее некачествен-

ный состав, малочисленность), неопределенность прав; в этой связи обращалось внимание на введение по прусскому образцу письменных инструкций с конкретизацией прав и обязанностей полицейских и жандармских чинов. П.А. Валуев особо подчеркивал важность «быстрой расправы над участниками беспорядков», что требовало введения ускоренного упрощенного судопроизводства.

Он также указывал на препятствия в борьбе с антиправительственной деятельностью, которые создаются Судебными уставами 1864 г. с их гласностью, демократичностью процесса и деятельностью адвокатуры [ГАРФ. Ф.109. Оп.3. Д.245. Л.5.].

Политический сыск был вынужден приспосабливаться к изменившимся условиям. Для этого было принято несколько законодательных актов, которые по сути сводили на нет демократические достижения Судебной реформы в сфере расследований государственных преступлений.

Некоторые изменения, отдельные коррективы первоначальных принципов реформы были вызваны ростом революционного движения. Закон от 1871 г. передал следствие по государственным преступлениям от судебных следователей к жандармам. В 1872 г. из ведения судебных палат были изъяты все крупные политические дела и переданы в Особое присутствие Правительствующего Сената, а с 9 августа 1878 г. часть дел «о сопротивлении властям» отошла к военным судам.

Самые важные дела должен был рассматривать Верховный уголовный суд, созывавшийся по Высочайшему повелению. В Х1Х в. Верховный уголовный суд собирался дважды – в 1866 г. по делу Д.В. Каракозова и в 1879 г. по процессу А.К. Соловьева – оба подсудимых покушались на жизнь императора Александра II.

Особым присутствием правительствующего Сената слушалось дело «О пропаганде среди народа», расследованное Саратовской судебной палатой. Перед судом предстали 193 подсудимых. Дело слушалось с использованием демократических начал уставов 1864 г.: процесс был открытым (правда, в помещении Петербургского окружного суда при таком количестве подсудимых и их защитников оставалось мало места для публики, и та приглашалась по билетам). Участвовала адвокатура, подсудимые выступали с речами, обличавшими существующий строй, и пропагандирующими идеи народничества. В результате обвинение «развалилось»: было вынесено 90 оправдательных приговоров, 39 человек были приговорены к ссылке, 32 – к заключению на срок от 5 дней до 3 лет, один – к отрешению от должности.

К каторге приговорили 28 человек, причем о двадцати семи Сенат ходатайствовал перед царем о смягчении наказания [Немытин М.В., Никифорова Т.И. 1992: 133].

Основной же чертой практической деятельности Особого присутствия было систематическое нарушение процессуальных норм, которое фактически превратилось в систему. Дела в Особое присутствие передавались без производства предварительного следствия, что позволяло чинам Отдельного корпуса жандармов по окончании дознания не предъявлять обвиняемым собранные материалы дела. Поэтому обвиняемые в политических преступлениях находились под арестом по несколько лет, даже не зная в чем они обвиняются вплоть до открытия судебного заседания. Зачастую, обвинительные акты были необъективны, в них тенденциозно излагались обстоятельства дел. В судебных заседаниях эти нарушения игнорировались, а доказательством нередко признавались показания, данные на дознании, на основании которых выносили обвинительный приговор. Однако к концу 1870-х годов деятельность Особого присутствия правительствующего Сената перестала удовлетворять правительственные круги. Во многом это было связано с тем, что рассмотрение дел в Особом присутствии, как единственном на всю империю высшем судебном месте, параллельно со значительными расходами со стороны казны по доставке обвиняемых в Петербург и на вознаграждение свидетелей, было сопряжено с нежелательной для правительства, но вместе с тем совершенно неизбежной медлительностью в рассмотрении дел.

Процесс, принятый в военно-полевых судах не был полностью розыскным. В нем были элементы состязательности, публичности и гласности. Он не предусматривал применение системы формальных доказательств. Подсудимый мог воспользоваться услугами защитника. Однако перечисленные принципы судопроизводства действовали в усеченном виде, поскольку дела должны были рассматриваться в течение 24-х часов со дня поступления в суд. За такой короткий промежуток времени разрешить его полно, объективно и всесторонне было невозможно, что практически сводило на нет все демократические начала указанных положений. Принцип устности распространялся лишь на потерпевших и свидетелей. Подсудимый не давал устных показаний в суде. Председательствующим зачитывались его показания, данные на предварительном следствии, после чего он отвечал лишь на поставленные судьями вопросы. Усеченность принципа состязательности заключалась в том, что в процессе отсутствовал прокурор. Функции защиты, соответственно, также были ограничены. Защитник был лишен права задавать вопросы потерпевшим и свидетелям, а мог лишь делать замечания или представлять возражения на их показания. Не мог он и произносить защитительную речь в пользу подсудимого. Военно-полевые суды должны были действовать в условиях военного времени. Однако фактически они учреждались в мирное время, причем в большей массе для рассмотрения дел политического характера [Тензиковский А.И. 1892: 36]. По ведомости канцелярии Пензенского губернатора «О лицах состоящих под надзором полиции в Пензенской губернии за 1877 г.» из 179 человек 36 находились на каторге, а затем в политической ссылке по приговору военно-полевого суда [ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д5372. Л.168.]. Преданные суду на основании закона от 8 апреля 1879 г. могли избирать себе защитника лишь из состоящих при военно-судебных учреждениях кандидатов на военно-судебные должности. Более того, циркуляром главного военно-судебного управления в 1881 г. защитникам по делам о политических преступлениях было запрещено составлять за подсудимых ходатайства о смягчении наказаний. Позднее и само участие защитников по делам этой категории стало очень редким явле-

нием. Объясняется это тем, что в 1889 г. был издан новый IV раздел военно-судебного устава, который возложил защиту на самого подсудимого, как это было предусмотрено в полковых судах.

III Отделением и Следственной комиссией по делам о распространении революционной пропаганды было предоставлено право применения внесудебного наказания – ссылке и высылке в отдаленные регионы страны. Кроме того, в 1870, 1880 гг. право применения внесудебных мер принадлежало министерству юстиции и Особому совещанию при МВД.

Деятельность этих органов регулировалась секретными указами, противоречившими Уставу уголовного судопроизводства и Уставу о предупреждении и пресечении преступлений. На практике это вылилось в значительные разногласия между судебными органами и органами, наделенными правом применения ссылки и высылки в административном порядке. В создавшейся ситуации правительство пошло по пути легализации внесудебной репрессии. 19 мая 1871 года был издан закон «Правила о порядке действий чинов отдельного корпуса жандармов по исследованию преступлений» [Собрание узаконений и распоряжений правительства,издаваемых при правительственном Сенате 1871]. Статья 29 названного закона предусматривала полномочия для рассмотрения в административном порядке определенной части дел о политических преступлениях министерством юстиции.

Список использованной литературы

ГАРФ. Ф.109. Оп.3. Д.245. Л.5.
ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д5372. Л.168.
Немытин М.В., Никифорова Т.И. Дела о государственных преступлениях в Саратовской судебной палате (1871-1881) // Государство и право. 1992. №3. С.133.
Тензиковский А.И. О военном суде в военное время. Спб. 1892. С. 36.
Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительственном Сенате. Спб., 1871. № 48452.

СТРУВЕ П. Б. ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НАУКОЙ ОБ «УРОДАХ»

Лопатина Н. Л.
Кузбасский государственный технический университет

В изучении истории советской власти в курсах отечественной истории и социальной философии методологически важно использовать труды П.Б.Струве - одного из основателей российского либерального консерватизма конца XIX - начала XX вв. Для этого ученого советская власть неприемлема в качестве цивилизованной [Струве 2004: 870].

I. В 1925 г. Струве писал, что изучением советской власти должна заниматься специально созданная наука - политическая «тератология» (наука об «уродах»), поскольку СССР «с точки зрения понятий публичного права не может быть почитаем государством» [Струве 2004: 24]. Государство, как известно, это аппарат управления обществом на основе закона и принуждения. Все же законы Российской империи Ленин отменил специальным декретом ещё в ноябре 1917 г. Советская власть сначала функционировала на принципах революционной целесообразности, а потом (до конца 80-х годов), в основном, на основе партийных постановлений, которым часто даже не утруждались придать законодательное оформление.

II. Студенты знают положение, что государство существует для защиты интересов сообщества его образовавшего. Ну, а если в деятельности государственных мужей доминируют не интересы соотечественников, а интересы народов других стран? Это считается предательством. Советской властью национальные интересы были приведены в угоду классовых, в интересах реализации идеи Маркса об освобождении трудящихся всего мира. С этой позиции студенты смогут объяснить: почему государственным гимном до 1943 г. был не национальный, а революционный («Интернационал»); знамя до 1991 г. революционное (красное), а не национальное (триколор). Почему страна превратилась в завод по производству оружия для мировой социалистической революции и пр.? В 1933 г. Струве жестко и определенно заявил: «Большевистская власть не есть русская власть. Это есть власть над Россией и СССР. …Государство представляет вовсе не Россию, а некую силу, владычествующую над Россией» [Струве 2004: 756]. Тезис о наднациональности политики власти важен для понимания студентами одной из самых серьёзных причин нынешнего невысокого патриотизма россиян, корни которого – в социализме.

III. Современные студенты немало знают о массовых репрессиях. Но цифры о миллионах убитых «врагов народа» уже не воспринимаются на эмоциональном уровне. А должны. Память предков – это фундаментальная ценность культуры русского народа, который всего тысячелетие тому назад возводил предков в ранг Божества. Есть шанс, что через тезис Струве об уродстве власти, организовавшей уничтожение собственного народа, студенты воспримут отечественную трагедию как на интеллектуальном, так и на эмоциональном уровне. Перманентные репрессий с 1917 г. переросли в массовые в 1930 г. Не – в 1937 г., как принято считать, а именно в 1930 г., когда началось массовое истребление самой трудолюбивой части крестьянства. Это побудило Струве к утверждению о «сатанократии» советской власти (1932 г.) [Струве 2004: 645], её «фанатично-безразличном» и «плановом палачестве (1934 г.)» [Струве 2004: 815]. Фактически до 1953 г. шла непрерывная внутренняя истребительная война советского государства против народа. Этот тезис Струве о «палачестве»